

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЭНДРЮ ДЖЕКСОНА

М.А.Власова

В исторической американистике тесная взаимосвязь понятий “джексоновская демократия” и “развитие американского либерализма”, пожалуй, никогда не вызывала сомнений. Аксиомой считалось мнение, что в годы правления президента Э.Джексона (1829—1837) приоритет отдавался политике, открывавшей дорогу свободному развитию капитализма, т.е. либеральной по своей природе.

Однако если еще раз обратиться к, казалось бы, хорошо известным событиям джексоновского периода, оценить их с точки зрения формирования либеральной теории и практики, многое предстанет не таким уж ясным. Прежде всего не достаточно четко определена роль самого Эндрю Джексона, его вклад в процесс того стремительного перехода от полупатриархального к капиталистическому обществу, который традиционно связывается с периодом “джексоновской демократии”.

Бурные сдвиги в американской экономике в 1820—30-е годы существенно изменили политическую жизнь страны. Экономический либерализм на базе свободы индивидуального предпринимательства делал необходимым и возможным закрепление либерализма в социально-политической сфере. В джексоновский период такое закрепление или взаимодополняющее развитие либерализма в экономике и политике, шло то активнее, то замедляясь, но в конечном итоге во многом изменило облик американской демократии.

Не раз в истории, в том числе и американской, у власти оказывались люди, мягко говоря, посредственные. В случае Джексона все обстояло иначе. Он не только привел к победе разношерстные силы противников предшествовавшей администрации Дж.К.Адамса, но и с успехом удерживал власть в течение двух президентских сроков. Джексон стал символом и легендой своего времени, человеком до сих пор привлекающим внимание не только специалистов, но и широкой публики. Конечно, феномен Джексона сформировали как минимум две составляющие — неординарная личность и необычайная яркость исторического периода. При этом деятельность Джексона-президента зачастую не зависела от давления сиюминутной конъюнктуры.

Изменчивость и противоречивость были основными чертами американской действительности. Они же определяли политику Джексона. Подобно тому, как быстро менялась стремительно развивавшаяся страна, столь же быстро менялись приоритеты президента — от политики протекционизма он перешел к фритредерству, от сочувствия идеям “прав штатов” — к непреклонному национализму, от апологии свободного фермерского труда — к жесткости в отношении к скваттерам.

Один из первых биографов президента, Дж.Партон, опубликовал в 1860 г. трехтомный труд, в котором содержится коллекция диаметрально противоположных мнений современников о Джексоне, в том числе столь парадоксальные, как “патриот и предатель”, “выдающийся генерал, не имеющий понятия о военном искусстве”, “блестящий писатель, неспособный грамотно составить и предложение”, “честнейший из людей, готовый идти на обман”, и, наконец, наиболее интересное, на наш взгляд, “демократический самодержец”¹.

Уже в ходе избирательной кампании 1828 г., в определенной мере отразившей тенденции к демократизации избирательного процесса и, главное, к растущему вовлечению в него большого числа простых американцев, выявилось основное притворение последующего периода американской истории. Либерализация избирательного права, которая в 1820—1830-х годах во многом проходила стихийно, “снизу”, преимущественно на уровне штатов, к моменту прихода Джексона в Белый дом, безусловно, привела к расширению политического спектра; новые слои собственников получили возможность вести конкурентную борьбу на разных уровнях власти. Безусловно, либерализация политической жизни была связана с многочисленными демократическими движениями, разворачивавшимися в “эру Джексона”. И хотя в итоге оба эти явления способствовали созданию более благоприятных условий для развития частнопредпринимательского общества, по сути они серьезно отличались.

Применительно к рассматриваемому периоду американской истории либерализм можно трактовать не только как конкретный политический курс, но и как специфическую политико-правовую структуру, обеспечивавшую гораздо более широкий по сравнению с предшествовавшим джефферсоновским временем плюрализм (широкое участие в электоральном процессе основного белого мужского населения страны, выборность большинства постов в различных органах законодательной, судебной и исполнительной властей и т.д.). Именно тогда создавалась в общих чертах так называемая “процедурная демократия”. Демократические же движения (фермерское, рабочее, различные религиозные и морально-этические) одновременно способствовали трансформации социально-политической основы в сторону ее либерализации, и в то же время пытались добиться практического наполнения новых формальных структур. Например, те же антимасоны или рабочие партии ратовали за определенное перераспределение власти в штатах на основе соблюдения избирательных законов. Здесь постоянно проявлялось противоречие между формально (законодательно) закрепленными правами и реальными условиями и возможностями их осуществления. Демократические движения оказывались зачастую радикальнее той политико-правовой либеральной системы, в рамках которой они вынуждены были действовать.

В 1828 г. победу Джексона можно назвать триумфом политического либерализма, но отнюдь не “приходом к власти народа”, как ее

¹ Jacksonian Democracy: Myth or Reality? / Ed. by J.L.Bugg, Jr. N.Y. et al., 1966. P. 1.

воспринимали некоторые современники. Дело в том, что под воздействием вторжения в общественную жизнь новых масс населения постепенно вырабатывался особый стиль, призванный убедить рядового избирателя, что вся политическая игра ведется в его интересах и по понятным ему правилам, на его “языке”. Президентская кампания 1828 г. — отличная иллюстрация этого стиля. Сам Джексон принадлежал, хотя и к новой, но все же элите общества, не пренебрегал кое-какой роскошью и комфортом, которые дают богатство и почет. Но усилиями сторонников он был представлен избирателям как “выходец из народа”, “свой парень”, а точнее, как “стратина Гикори”, якобы добившийся успеха исключительно благодаря личным качествам — храбрости и сметливости.

Элегантный красавец Эндрю Джексон, поразивший во время инаугурации своим полным достоинством и величия видом представителей высшего вашингтонского света, не был, конечно, простоватым “старинкой”, каким его хотели бы видеть фермеры фронта. Но не был он и мыслителем, идеологом в стиле Джефферсона. Его уделом была практическая деятельность, именно в эту область он внес весьма значительный вклад, наполнив реальным содержанием и усовершенствовав уже наметившиеся контуры новой политической и экономической либеральной структур.

Здесь мы сталкиваемся с тем, что принято называть реформами Джексона, т.е. с рядом шагов администрации, существенно отличавшихся от курса предшествовавших лет. Не все реформы имели отношение к развитию либерализма, поэтому целесообразно выделить лишь несколько ключевых моментов в деятельности Джексона. Кроме того, говоря о поступках и идеях президента, нельзя забывать, что они были результатом творчества членов его администрации, а также знаменитого “кухонного кабинета”. Что же касается твердого тона, стремительности в принятии решений, резкости суждений, то тут “авторские права” принадлежат самому Джексону.

На современного исследователя джексоновского периода огромное влияние оказывает обширнейшая литература, посвященная как самому Эндрю Джексону, так и его времени². Однако вопрос о том, каков был вклад Джексона в становление либеральной традиции, насколько адекватно его политика отвечала потребностям динамично развивавшихся американской политической и экономической системам, остается дискуссионным.

Если абстрагироваться от тех различий в подходах и интерпретациях, которые обусловлены принадлежностью к историографической школе или направлению, можно выделить две оценки вклада Джексона: “оптимистическую” и “пессимистическую”. К “оптимистам” относятся такие корифеи, как Ф.Дж.Тернер, Ч.Бирд, Дж.С.Бассет, В.Л.Паррингтон, оба Ф.Шлезингера (старший и младший), Р.Хрфстдтер, Б.Хэммонд и их более поздние последователи, которые хотя и стояли на разных методологических позициях, в целом сходились на том, что в

² Речь идет преимущественно об американской литературе. Работы советских авторов в этой области пока, к сожалению, малочисленны.

деятельности джексонианцев так или иначе проявилась тенденция к развитию “либерального капитализма”.

К “пессимистам” можно отнести тех авторов, кто склонен в “джексоновской демократии” видеть не столько пробивавший себе дорогу “либеральный капитализм”, сколько аграрное движение, устремленное во многом в прошлое, тяготеющее к джефферсоновским идеям общества равноправных свободных собственников земли. Поэтому “пессимисты” подчеркивают “докапиталистический” характер идеологии джексонианцев. При этом нередко выразителями интересов развивавшегося “либерального капитализма” называют противников джексонских демократов — вигов. “Пессимисты” всячески акцентируют отказ Джексона от первоначальных идей. Если реформы Джексона и способствовали в конечном итоге развитию капиталистических отношений, то происходило это, по мнению таких авторов, вопреки изначальным установкам их инициатора. К примерам “пессимистической интерпретации” можно отнести работы Дж.Партона, Ч.М.Уилца, Т.П.Абернета, Э.Пессена, Д.У.Хау, Дж.Эшуорта и некоторых др.³

Немногие отечественные специалисты, писавшие о “джексоновской демократии”, в целом склоняются к “оптимистической” оценке вклада Джексона в развитие капитализма по демократическому пути, в формирование либеральной доктрины, соответствовавшей тогдашнему уровню американского общества⁴.

И все же, правы ли “оптимисты”, и так ли глубоки заблуждения “пессимистов”? Для ответа на этот вопрос рассмотрим только одну из реформ Джексона — так называемую реформу государственной службы.

В первом послании конгрессу (в декабре 1829 г.) Джексон назвал основной целью реформы борьбу с “коррупцией”, развивавшейся в условиях длительного пребывания чиновников на постах и неизбежных при этом злоупотреблениях. “Обязанности государственных чиновников столь ясны и просты, по крайней мере они должны быть таковыми, что смысленные граждане могут быстро приспособиться к их (обязанностей. — *М.В.*) исполнению”⁵. В другом месте Джексон выразился более определенно: “Путь к должности... равно открытый для бедного и богатого, фермера и печатника, а честность, неподкупность и способности — единственные требования (к кандидатам на должность. — *М.В.*) — это, я уверен, будет наилучшим образом сохранять в нерушимости свободу действия”⁶. Тут прослеживается идея равных возможностей для участия в политической деятельности и, в более общем плане — традиционное для либеральной мысли противопоставление таких понятий, как “народ” и

³ *Meyers M. The Jacksonian Persuasion. Stanford, 1957; Pessen E. Jacksonian America: Society, Personality and Politics. Homewood (Ill.), 1978; Howe D.W. The Political Culture of the American Whigs. Chicago, 1979; Ashworth J. “Agrarians” and “Aristocrats” — Party Political Ideology in the United States, 1837—1846. Cambridge, 1987.*

⁴ См.: *Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980; Романова Н.Х. Реформы Э.Джексона, 1829—1837. М., 1988.*

⁵ *A Compilation of Messages and Papers of the Presidents, 1789—1897 / Ed. by J.D.Richardson. Wash., 1896. First Reprint 1968. Vol. 2. P. 449.*

⁶ Письмо Джексона 1829 г. цит. по: *Hofstadter R. The American Political Tradition and the Men Who Made it. N.Y., 1948. P. 51.*

“правители”, стремление в борьбе со “злоупотреблениями” апеллировать к “интересам большинства”. Принцип ротации, безусловно, является “наиболее важным в учении республиканизма”⁷, и, как показывает общечеловеческий опыт, имеет непреходящее значение для государственно-политических структур любых общественных систем.

Эти мысли Джексона о реформе государственной службы не остались лишь декларированными. Последовали многочисленные увольнения чиновников, вокруг которых закипели политические страсти. Дело в том, что и современники Джексона, и историки сталкивались с необходимостью определить связь реформы с таким явлением, как “дележ добычи”. Под ним подразумевается широко практиковавшаяся в США еще при Джефферсоне, а в Англии и того раньше раздача победившей на выборах партией постов в федеральном и местных аппаратах своим наиболее рьяным сторонникам. Сугубо прагматический подход к подбору претендентов на государственные должности сильно подрывает доверие к джексоновской реформе.

Нельзя не согласиться с одним из отечественных авторов, что “трудно было здраво оценить деловые качества людей в атмосфере ажиотажа, сопутствовавшей приходу к власти... правительства” и не нарушать только что сформулированные критерии⁸. Велик соблазн объявить джексоновскую реформу государственной службы формой идеологического прикрытия “дележа добычи”, а все фразы о “доступности” политических постов для “простого человека” — демагогией. По существу, так и поступил известнейший специалист по “джексоновской демократии” Э.Пессен⁹. Он полемизировал с Р.Хофстедтером и А.М.Шлезингером-мл., которые были более высокого мнения о значении политики Джексона. Хофстедтер писал, что он выражал в данном случае “философию” народного движения, целью которого было обеспечить возможность массам американцев участвовать в политической жизни¹⁰. Шлезингер, ставя знак равенства между реформой и “делением добычи”, считал, что, хотя они и служили сиюминутной цели — укрепить партию Джексона, но в конечном итоге были призваны расширить участие народа в функционировании американской демократии¹¹.

Оценки Хофстедтера и Шлезингера весьма привлекательны для тех, кто стремится доказать, что деятельность Джексона способствовала изменениям в американской жизни в сторону большей ее либерализации. Но все же нельзя оставлять без внимания аргументы их противников — “пессимистов”.

Попробуем разобраться, так ли сильно дискредитирует джексоновскую реформу государственной службы ее увязка с пресловутым “делением добычи”. Если воспринимать утверждение “To the victor belong the spoils” как призыв к мирной передаче власти проигравшей на выборах группировки более удачливым соперникам, то он вовсе не покажется

⁷ A Compilation of Messages and Papers of the Presidents. Vol. 2. P. 449.

⁸ Романова Н.Х. Указ. соч. С. 39.

⁹ Pessen E. Op. cit. P. 80.

¹⁰ Hofstadter R.P. Op. cit. P. 51.

¹¹ Schlesinger A.M., Jr. The Age of Jackson. Boston, 1945. P. 46—47.

циничным. В этом плане, даже если реформу Джексона рассматривать только как “прикрытие” или обоснование в духе эгалитарной традиции системы перераспределения власти в демократическом обществе, то ее исторический престиж от этого не пострадает.

Важно, на мой взгляд, тот факт, что борьба вокруг джексоновской реформы была прямым продолжением кампании 1828 г. со всеми ее новшествами в политическом стиле, одновременно она задавала тон грядущим столкновениям джексоновцев с оппозицией. В такой ситуации восприятие масштабов реформы современниками Джексона и вызванный ею широкий общественный резонанс, более значимы для оценки исторического контекста 1830-х годов, чем новейшие подсчеты истинных размеров кадровых перемещений.

Но могли ли изменения в федеральном бюрократическом аппарате быть по-настоящему значительными и какие эшелоны власти они могли затронуть?

Ко времени оформления “джексоновской демократии” консолидация новой политической элиты на основе глубокой дифференциации в социальной и экономической сферах шла полным ходом. С одной стороны, от власти оттеснялись выходцы из кругов старой знати, сложившейся еще в колониальную эру, типа семьи Дж.К.Адамса. На вершину политической пирамиды постепенно поднимались люди вроде Джексона или М.Ван Бюрена не менее “знатные”, чем их предшественники, если сравнивать их с низами общества, но чьи богатство и общественный статус сложились в более позднее время и были связаны скорее с личными заслугами, чем с глубокими семейными и политическими традициями.

С другой стороны, формировался средний эшелон власти, устойчивый к переменам на президентском уровне и обеспечивавший своеобразную стабильность аппарата федеральной исполнительной власти¹². Тотальные перемещения в этом эшелоне, вероятно, парализовали бы всю деятельность государства. Вряд ли представители этой чиновной касты могли в больших масштабах стать объектом джексоновской ротации. И все же кое-что Джексону удалось сдвинуть с места и в этой сфере. Правда, гораздо позднее, в 1836 г., но были-таки реорганизованы почтовое ведомство и Главное земельное управление, в которых трудилось значительное число чиновников не только в центре, но, что особенно важно, по всей стране. В сущности попытка Джексона реформировать бюрократический аппарат на основе принципов периодической сменяемости и определения четких функций чиновников были необходимой реакцией на объективное усложнение деятельности самого государства в новых условиях противоречивого социального и хозяйственного развития.

Но помимо высшего и среднего слоев чиновничества должен был существовать некий низший, “пограничный” слой, более склонный к текучести. Принадлежность к нему давала не только пропитание, но и

¹² *Burch Ph.Yr. Elites in American History. In: 3 vol. N.Y.,; L., 1981. Vol. 1: The Federalist Years to the Civil War.*

некоторый вес в обществе, особенно провинциальном. Таким образом, “дележ добычи” мог служить своеобразной лазейкой для тех, не принадлежавших к элите слоев населения, кого джексоновские призывы к ротации в принципе допускали к занятию тех или иных постов. Ведь доступ к “добыче” могли иметь, как правило, лишь “правовверные” джексоnianцы, а создание по всей стране многочисленных открытых для массового участия партийных организаций увеличивало шансы попасть в разряд “любимчиков” партии.

Конечно, реформы Джексона нельзя и переоценивать. В обстановке уже довольно глубокого социального расслоения лозунг “равных возможностей” в политике постепенно скатывался в разряд социальной демагогии. Поэтому “оптимисты” явно идеализируют результаты реформы и “дележа добычи” в плане обеспечения “народного участия в политике”. В то же время деятельность Джексона способствовала реализации одной из схем “процедурной демократии”. В какой-то степени она привела в соответствие структуру и принципы, на которых строился государственный аппарат, с требованиями плюрализма и идеями свободной игры политических сил. Как сама “процедурная демократия” не гарантировала действительно свободный и равный доступ к политической власти всем гражданам, так и реформа Джексона не создавала, да и не могла создать никакого механизма, который обеспечивал бы любому “сметливому” американцу место в федеральных органах власти.

Экономической деятельности Джексон уделял гораздо больше внимания, чем политическим реформам. В этой сфере особенно четко проявились притворчества президентского курса и американского либерализма, теснейшим образом с ним связанного.

Действительно, с одной стороны, Джексон наложил вето на билль о финансировании федеральным правительством строительства участка так называемой Национальной дороги до города Мейсвилла (Мейсвиллское вето, май 1830 г.), с другой — впоследствии одобрял аналогичные законодательные предложения без всяких возражений. В итоге за годы джексоновских администраций на строительство дорог и каналов было потрачено не меньше средств, чем при Дж.К.Адамсе.

Затем президент и его сторонники в том же 1830 г. добились принятия конгрессом закона о временном преимущественном праве переселенцев на приобретение возделываемых ими участков общественных земель по минимальной цене. Этот акт удовлетворял интересам “реальных поселенцев” — скваттеров. Подобные законы принимались и в дальнейшем, в 1831—1834 гг. И в то же время президент не поддерживал предложений о существенном снижении цен на землю и издавал указы о сгоне с незаконно занятой земли все тех же скваттеров.

В 1832 г. президентом был принят и одобрен закон о снижении пошлин на импорт. Однако южане — основные потребители импорта — не удовлетворились незначительным снижением тарифных ставок. Вспыхнул политический кризис, в ходе которого Южная Каролина провозгласила отмену (или нуллификацию) федерального закона. Властями штата было высказано также твердое намерение с оружием в

руках воспрепятствовать сбору пошлин на своей территории. Джексон, несмотря на все предшествующие заявления о необходимости коррекции протекционистского законодательства и об уважении "прав штатов", выступил в декабре 1832 г. с прокламацией, не только осудившей южнокаролинцев как "мятежников", но и предусматривавшей применение против них силы.

Наконец, не обошлось без противоречий и в антибанковской политике Джексона. Президент был известен как противник банков и сторонник "твердых денег". В то же время он наложил в июле 1832 г. вето на билль о продлении хартии Второго банка, обвинив его в ограничении банковского кредита. В 1833 г. президент, уже переизбранный на второй срок, приказал изъять федеральные депозиты из фондов Второго банка и передать их ряду штатных банков. Тем самым был дан стимул небывалому росту числа банков и спекуляций ценными бумагами. Но появившийся через три года исполнительный приказ Джексона предписывал принимать в уплату за продаваемые земли общественного фонда только твердую валюту. Лишь в 1837 г. уже при преемнике Джексона президенте М.Ван Бюрене было, наконец, принято кардинальное решение: создавалось Независимое федеральное казначейство. Джексон, уже отойдя от государственной деятельности, одобрил этот шаг.

Можно, конечно, как это делал, например, Э.Пессен, объяснить непоследовательность и противоречивость политики Джексона отсутствием у него четких идеологических позиций и считать, что в основном он руководствовался прагматичными соображениями борьбы за власть¹³. Но в таком случае остается еще один вопрос — о специфике этой борьбы, требовавшей от Джексона непоследовательности и противоречивости.

И тут нельзя игнорировать аргументацию самого Джексона. Он не устал напоминать, что действует в интересах "народа", своих избирателей: "плантаторов, фермеров, механиков, рабочих", чей успех зависит только от собственного труда и бережливости, и кто составляет "хребет и мускулы страны"¹⁴. Президент вполне осознавал противоречивость интересов "народа". Не даром в его обращениях было множество оговорок и компромиссов. Например, в Мейсвиллском вето Джексон отказался (под предлогом неконституционности) от проекта федерального финансирования строительных работ в пределах одного из штатов, но тут же заметил: "Если народ пожелает, чтобы федеральное правительство имело право выделять ередства для осуществления подобных проектов, то способы оказания такой помощи и ее размеры должны стать предметом конституционного регулирования"¹⁵.

Такой "оптимист", как Хофстедтер, приписывал противоречивость политики Джексона его желанию соблюсти интересы "народа". Считая, что антибанковские мероприятия президента не принесли результатов (после ликвидации Второго банка инфляция только усилилась),

¹³ Pessen E. Op cit. P. 233—260.

¹⁴ A Compilation of Messages and Papers of the Presidents. Vol. 3. P. 305.

¹⁵ Ibid. Vol. 2. P. 492.

ненависть” к привилегиям (т.е. ко Второму банку) и “доминировавшую доктрину *laissez faire*”. “Несчастливое” сочетание этих факторов, по мнению Хофстедтера, обусловило неудачу администрации¹⁶.

Однако, несмотря на это “несчастливое сочетание”, Хофстедтер видел в джексоновском движении, в идеях, высказанных президентом, отражение “философии поднимающегося среднего класса”, стремившуюся не затормозить развитие бизнеса, а освободить его, чтобы открыть все дороги для творческой предприимчивости народа”¹⁷. Эта трактовка не только не объясняет многочисленные случаи непоследовательности в политике Джексона, но и модернизирует и упрощает содержание самого термина “народ” в период “джексоновской демократии”.

“Пессимисты” иначе относятся к понятию “народ” и подчеркивают преобладание в населении джексоновской Америки аграриев, интересы которых были связаны, скорее, с “докапиталистическим” прошлым. Они подвергают справедливой критике восприятие джексоновских идей “оптимистами” в терминологии XX в., применение ими, например, термина “либеральный капитализм”, относящегося, скорее, к периоду промышленного капитализма. «Такие историки (“оптимисты” в нашем случае. — *М.В.*) игнорируют отличия прошлого от настоящего, — пишет Дж.Эшуорт, — и рассматривают исторический процесс как единый поток, влекомые которым аристократические колонии XVIII в. чуть ли не сами собой превратились в капиталистическое, демократическое государство. Этот поток как бы конечная, неизбежная сила в американской истории... и “несет” всех — поднимающегося предпринимателя и демократа-энтузиаста, пасторального фермера и нераскаившегося реакционера»¹⁸.

Оценка сущности “джексоновской демократии” “пессимистами” и “оптимистами” зависит от того, кому они приписывают роль движущей силы: капиталистическим предпринимателям, восходящему “среднему классу” или аграриям “доиндустриального” периода. Противоречивые оценки эры Джексона связаны не только с трактовкой понятия “народ”. Джексон применял для обоснования того или иного шага основные положения республиканского кредо: о суверенитете народа, о его способности к самоуправлению, об “ограниченном правительстве” (*limited government*), о равных возможностях и необходимости защиты прав большинства, т.е. народа, от посягательств со стороны привилегированных групп. Все эти идеи вдохновляли политиков и прежде, в период Джефферсона; они составили тот “золотой фонд” американской политической культуры, который не потерял своей ценности и по сей день. Но со временем менялось значение, которое придавали этим понятиям современники, равно как менялось содержание понятия “народ” в зависимости от соотношения сил в обществе.

Попробуем разобраться, какой смысл имели эти понятия в

¹⁶ *Hofstadter R.P.* Op. cit. P. 64.

¹⁷ *Ibid.* P. 62.

¹⁸ *Ashworth J.* Op. cit. P. 268.

джексоновский период. Вот, например, как Джексон обосновал изменения в экономической политике в знаменитом вето на Билль о продлении хартии Второго банка: «Приходится сожалеть, что богатые и могущественные слишком часто используют правительственные законы для эгоистических целей (“закон” в данном случае — это хартия Второго банка. — М.В.). Различия в обществе будут существовать, каким бы справедливым ни было правительство... общество не может обеспечить равенства талантов, образования или материальных благ. Закон обязан защищать права каждого человека в равной мере с другими пользоваться дарами Неба, плодами развитой промышленности, бережливости и добродетели; но, если закон принимается с целью подкрепить эти естественные и справедливые преимущества искусственными различиями — раздачей титулов, исключительных привилегий, чтобы сделать богатого еще богаче, а влиятельного влиятельнее, в таком случае скромные члены общества — фермеры, механики и рабочие, т.е. те, кто не имеет ни времени, ни средств, чтобы самим добиться таких же преимуществ, — обладают правом выражать недовольство несправедливостью своего правительства. Само по себе правительство не есть неизбежное зло... Если правительство ограничится одинаковым для всех покровительством и, подобно Небесам, проливающим дождь, будет покровительствовать равно знатным и незнатным, богатым и беднякам, это будет неоценимым благословением...»¹⁹

Здесь важно подчеркнуть протест Джексона против экономических привилегий (он дополнялся оппозицией к корпоративной форме бизнеса, которую символизировал государственный банк), стремление обеспечить равные возможности для предпринимательской деятельности и трактовку ограниченных функций правительства.

Те же идеи Джексон развивал в других выступлениях по экономическим вопросам, включавшим и пересмотр политики протекционизма. Признавая, что благодаря высоким тарифам на импорт в стране появились “значительные группы интересов”, состоявшие из тех, кто вложил капиталы в промышленные предприятия, Джексон не считал возможным поощрять дальше протекционизм. Неизбежность ревизии протекционизма в торговле проистекает, по его мнению, от недовольства “народа”, вынужденного платить высокие пошлины в угоду небольшой группы обогащавшихся промышленников. В интерпретации Джексона протекционизм, так же, как и банковская система, создает опасные для “общественного блага” привилегии”²⁰.

Призыв к ликвидации “привилегий” в хозяйственной деятельности и на этой основе к созданию “равных возможностей”, а также к ограничению вмешательства правительства в сферу экономики (идея “limited government” или “laissez-faire” в классической либеральной терминологии) можно было бы связать вслед за Хофстедтером с “философией” либерального капитализма, способствовавшей развитию “естественного экономи-

¹⁹ A Compilation of Messages and Papers of the Presidents. Vol. 2. P. 590.

²⁰ Ibid. P. 598—599.

ческого порядка”²¹. Но при этом совершенно необходимо конкретизировать, какие именно “капитализм” и “естественный экономический порядок” стремился освободить Джексон, так как “либеральный капитализм” Хофстедтера — это в сущности промышленный капитализм более позднего времени, предтечей которого якобы выступал Джексон.

Напомним, что джексоновский период характеризовался многовариантностью экономического развития. Америка тогда была аграрной страной, при том, львиная доля фермеров по крайней мере на заре “эры Джексона”, была еще относительно слабо вовлечена в торговые отношения, тем более, что общенациональный рынок для сбыта продукции сельского хозяйства еще не сложился²². В 1830–х годах мелкотоварные фермерские хозяйства относились к раннекапиталистическому укладу, который и определял способ существования большинства американцев. Именно его реалиями питались идеи Джексона. Поэтому, на наш взгляд, есть основание квалифицировать “идеологию” Джексона как раннекапиталистическую²³.

Джексоновское понятие “равенства возможностей” по сути подразумевало равенство и свободу фермеров — предпринимателей. Все иные виды предпринимательской деятельности, особенно в сфере промышленности и финансов угрожали, по мнению Джексона, завоеванным американским народом свободам. Вот как в ежегодном послании конгрессу (1832 г.) президент характеризовал “систему, приводящую к недовольству”, т.е. протекционизм и порожденную им промышленность: “В некоторых частях нашей республики она ведет к концентрации богатств в руках немногих и создает зародыши несвободы и зла... которые разрушают свободу и всеобщее благо”²⁴. Противники протекционизма, они же сторонники Джексона, нередко описывали “ужасы”, связанные с развитием промышленности: рост городов, заполненных пауперами, тяжелый труд на фабриках, появление “аристократии”, коррупции и всех тех социальных потрясений, которые переживали европейские страны.

Интерпретация в духе “пессимистов”, казалось бы, позволяет дать наиболее полную оценку джексоновским идеям. Но здесь необходимо сделать одну существенную оговорку. Тот самый раннекапиталистический уклад, интересам которого достаточно адекватно соответствовали представления Джексона на рубеже 1830—1840–х гг. постепенно, а затем все стремительнее переходил к новому этапу

²¹ Hofstadter R. Op. cit. P. 62.

²² Из-за недостатка статистического материала вопрос о товарности фермерских хозяйств в 1840–е годы остается неясным. По разным данным, доля продуктов, производимых на продажу в хозяйствах Севера и Запада, составляла в XIX в. в среднем 50—60%. При этом 10% хозяйств производили половину товарной продукции. Они же составляли категорию зажиточных. В них применялся труд сезонных рабочих, использовались передовые приемы обработки земли и техника. См.: Danhof C.H. Agriculture in the North and West // Encyclopedia of American Economic History. N.Y., 1980. Vol. 1. P. 363—364.

²³ Тот же термин “раннекапиталистическая идеология” использует Н.Х.Романова (см.: Указ. соч. С. 110), хотя общая ее оценка экономической политики Джексона иная: она гораздо ближе к выводам “оптимистов”.

²⁴ A Compilation of The Messages and Papers of the Presidents. Vol. 2. P. 599.

развития. Вовлечение фермеров в рыночные отношения сначала в основном в рамках отдельных районов, вокруг крупных городов, специализация сельского хозяйства (особенно на Северо-Востоке), применение наемного труда, передовой по тем временам техники хоть и не были типичными для всей Америки, но позволяют нам судить о начале активного аграрно-промышленного переворота, создавшего основу для будущей индустриализации страны.

Наверное, наивно предполагать, что Джексон и его современники могли быстро осознать сущность происходивших крупномасштабных перемен. На уровне идейного обоснования новых явлений в экономике и политике наблюдалось определенное “отставание”. В том же, что касалось практики реакция джексонианцев была достаточно быстрой. Тут можно найти объяснения многим противоречиям политики Джексона. Например, в случае с внутренними улучшениями. С одной стороны, их проведение одновременно увеличивало государственные расходы и било по карману простого фермера-налогоплательщика, но, с другой, было совершенно необходимо для вызова товарной сельхозпродукции, если этот же фермер вздумает ее произвести.

Нельзя согласиться и с “оптимистами”, видевшими в Джексоне защитника интересов “среднего класса”. Они, пожалуй, преувеличивают ту “легкость”, с которой этот средний класс рождался в джексонской Америке. Стране предстояло пройти длительный путь адаптации к новым реалиям, вызванным к жизни углубившимся капиталистическим развитием. Не случайно Джексон продолжал отстаивать прерогативы основного земледельческого класса в духе раннекапиталистической идеологии.

Даже после экономического кризиса 1837 г., с очевидностью показавшего американцам, что они не избежали “ужасов” пауперизма, массовых разорений и прочих атрибутов, порожденных депрессией в экономике, соратники Джексона — демократы, вернее, те, кому был близок аграрный радикализм, продолжали агитировать против банков, корпораций, роста городов и социального неравенства в духе аграриев раннекапиталистического периода.

И тут мы сталкиваемся с еще одним противоречием джексонского либерализма, сильно подрывающим доверие к концепциям “оптимистов”. Неотъемлемой частью аграрного слоя были южане-плантаторы. Изначально в представлениях “отцов-основателей” идеи о “республике простых фермеров” соседствовали с признанием института плантационного рабства. Это признание не подрывало в политических теориях понятий о свободе и равенстве, поскольку свобода и равенство распространялись лишь на белое население.

В годы президентства Джексона в силу разных обстоятельств непосредственные интересы фермеров и плантаторов не только не сталкивались, но, напротив, совпадали. Назову лишь две причины такого совпадения: общая необходимость продвижения на новые земли и общая же оппозиция по отношению к финансовым и промышленным интересам. И плантаторы и фермеры чаще всего оказывались в долговой кабале у “ненавистных” банков, они же страдали от высоких тарифов на

импорт. Были, разумеется, и исключения (например, фермеры и плантаторы, которые поставляли сырье для отечественных фабрик), но общая картина от этого не менялась.

Характерно, что критика сторонниками Джексона той системы труда и расслоения в обществе, которые нес в себе протекционизм, порождающий промышленность, исходила в 1830-е годы и от южан. Но если американских фермеров еще можно (с известными оговорками) отнести к представителям “восходящего среднего класса”, о котором писал Хофстедтер, то с плантаторами так поступить никак нельзя. Как бы ни был плантационный уклад интегрирован в капиталистическую систему, по сути он был враждебен тому “естественному экономическому порядку”, который привел к утверждению “либерального капитализма” после Гражданской войны.

В “эру Джексона” плантационный уклад на Юге, равно как и фермерский на Севере, относился к раннекапиталистической модели экономического развития, поскольку само его существование в рамках капиталистической системы было возможно до тех пор, пока не заработала новая модель промышленного капитализма.

Пожалуй, еще явственнее раннекапиталистический характер идей Джексона проявился в понимании им доктрины “limited government”. Для ее обоснования из республиканского кредо он взял тезис о способности народа к “самоуправлению”. Активное движение за демократизацию политической жизни, главными участниками которого были аграрии, также происходило под лозунгом борьбы способного к самоуправлению народа с узурпировавшей власть элитой. По большому счету правительство тоже принадлежало к элите. Поэтому призыв к ограничению его функций вполне соответствовал духу демократизации.

Подход Джексона отвечал не только демократическим настроениям аграриев, но и их практическим интересам. Для мелкотоварного фермерского хозяйства не требовалось особого покровительства государства. В то же время для американской политической культуры было не характерно полное или, вернее, теоретическое отстранение государства от участия в экономической деятельности. Напротив, еще со времен “отцов-основателей” практиковались те или иные формы меркантилизма или патернализма²⁵. Правительство Джексона также оказывало помощь фермерам, финансируя строительство дорог и каналов, связывавших производителей сельхозпродукции с рынком. Джексон и его сторонники не считали, что идее “limited government” противоречит принятие федерального законодательства о правах поселенцев. Та деятельность правительства, которая способствовала сохранению общества “свободных” и “равноправных” аграриев, вполне уживалась с доктриной “limited government”.

Как это ни парадоксально, в годы “джексоновской демократии” наиболее активного вмешательства и покровительства государства требовали те слои, которые впоследствии стали самыми последовательными (конечно, по американским меркам) сторонниками “laissez faire”.

²⁵ Girvetz H.K. The Evolution of Liberalism. N.Y., 1966. P. 77—81.

Покровительством государства практически с самого начала его функционирования пользовались финансовые, торгово-мануфактурные круги. Запретительные пошлины на импорт, централизованная банковская система, федеральные проекты внутренних улучшений — несмотря на жестокую критику фермерско-плантаторского большинства, — становились объектами законодательства. Потребность в такого рода защите испытывало промышленное и финансовое меньшинство американских предпринимателей джексоновского периода.

Надо признать, что идея “limited government” использовалась представителями и торгово-промышленных и фермерско-плантаторских группировок. Так было, когда аграрии требовали помощи государства в своих интересах и отрицали конституционность такой помощи, когда речь шла о нуждах торгово-промышленных слоев. Президент М.Ван Бюрен в первые месяцы экономического кризиса 1837 г. продолжал джексоновскую аргументацию в интересах аграриев: если правительство в период кризиса станет оказывать какую-либо помощь, то она достанется наиболее пострадавшим, т.е. тем, кто связан с “внутренней и внешней торговлей”. А это приведет к “обогащению” одних за счет других. Вмешательство правительства в экономику не целесообразно, т.к. “великий аграрный интерес во многих частях страны пострадал незначительно по сравнению с другими интересами”²⁶. Но те же торгово-промышленные круги, требовавшие помощи от президента Ван Бюрена в начале кризиса незадолго до этого критиковали администрацию за вмешательство в дела бизнеса, в частности за “Specie Circular”, предписывавший принимать в уплату за земли общественного фонда только “твердые деньги”. Политика “твердых денег” противоречила в тот момент интересам торгово-промышленных кругов, настаивавших на ее отмене.

Особым было отношение к идее “limited government” плантаторов. Для них теоретическим обоснованием ограничения функций государства была прежде всего доктрина “прав штатов”. Если для фермеров смысл ограничений функций правительства в экономической сфере заключался в недопущении поддержки нефермерских предпринимательских групп, то для плантаторов основным было сохранение в неизменности тех прав, которые в их интерпретации по Конституции принадлежали лишь суверенным штатам. Поэтому любой шаг федерального правительства, не соответствовавший интересам плантаторов, мог быть объявлен и враждебным по отношению к “правам штатов” и неконституционным. Несомненно, в основе особого отношения южан-рабовладельцев к своим конституционным правам лежало осознание уникальности их экономической и политической системы. Так что соблюдение принципа “limited government”, “хоть и было важно для обоих компонентов аграрного сектора — фермеров и плантаторов, для последних оно имело более существенное политическое значение.

Связь идеи ограничения полномочий правительства с доктриной “прав штатов” показали события в Южной Каролине в 1831—1833 гг. Критика южанами федерального тарифного законодательства началась с

²⁶ A Compilation of Messages and Papers of the Presidents. Vol. 2. P. 344—345.

рассуждений о “limited government”, а закончилась политическим кризисом, угрозами сецессии и едва ли не военной конфронтацией.

Оценивая джексоновский лозунг о “limited government” в общем контексте экономической политики 1830-х годов, необходимо еще раз подчеркнуть, что он подразумевал свободу аграрных кругов — мелко-товарного фермерства и плантаторов от вмешательства государства.

Европейский опыт экономического развития, а точнее английский, настолько отличался от американского, что сама идея “laissez faire”, изначально нацеленная на обоснование “свободной торговли”, имела для американцев совсем иной смысл. На наш взгляд, прав Дж.Эшуорт, который заметил: ...существует важное отличие в том, как использовались доктрины Смита (Адама. — *М.В.*) в Англии и в США. В Англии теория свободной торговли в основном использовалась для борьбы против зачастую реакционных земельных интересов, являясь могучим оружием в руках тех, кто отстаивал новые формы собственности. В США, напротив, идеи свободы торговли и “естественных законов” (экономического развития. — *М.В.*) служили для защиты сельского хозяйства и аграрного общества»²⁷.

Если представления историков—“оптимистов” о Джексоне как выразителе философии “либерального капитализма” не верны, и если не совсем корректны с точки зрения последующего развития страны оценки (без каких-либо оговорок) его идей как раннекапиталистических, то не лежит ли истина где-то посередине? В поисках этой золотой середины трудно не прийти к мысли, что раннекапиталистическая по сути аргументация Джексона не объясняет всех нюансов и поворотов его практического курса и что об идейном содержании “джексоновской демократии” нельзя судить, ограничиваясь официальными документами. Не будь этого, Джексону не удалось бы удерживать в орбите своего влияния широкую политическую группировку, постепенно консолидировавшуюся в мощную демократическую партию. Она отличалась высокой для своего времени организационной сплоченностью и в то же время разнообразием внутренних идейных оттенков — от радикалов-аграрников до “консерваторов” — сторонников банка США.

Тот факт, что Джексон, президент и лидер партии, равно как и его преемник, предпочитали аргументацию в духе “простого фермера”, связан с большой популярностью в обществе идей аграрного радикализма. Не будучи радикалом в решении ключевого в программах демократических движений аграрного вопроса (требование гомстеда), Джексон тем не менее благодаря постоянному обращению к теме борьбы за интересы аграрного большинства удерживался на волне народных симпатий.

Развитие политического плюрализма в годы президентства Джексона постепенно привело к возникновению в рамках все той же “процедурной демократии” важнейшего структурного элемента — двухпартийной системы. Партия Джексона образовалась первой и дала мощный толчок к складыванию оппозиции. Не менее важно то, что испытав на себе

²⁷ Ashworth J. Op. cit. P. 21.

воздействие демократических движений, взяв на вооружение идеи аграрного радикализма, джексоновская партия положила начало своеобразному разделению труда в идейной сфере, отстаивая интересы преимущественно фермерско-плантаторского слоя. Вместе со своими партнерами по двухпартийной системе, концентрировавшими в основном внимание на защите прерогатив торгово-промышленных кругов, партии определяли исторический облик “джексоновской демократии”, способствуя ее противоречивости, неоднозначности.

Двухпартийная система сыграла роль того механизма, который постоянно “настраивал”, корректировал правительственный курс в соответствии с требованиями момента, т.е. колебаниями социально-экономической и политической конъюнктуры²⁸.

В последние годы пребывания Джексона в Белом доме, а особенно при Ван Бюрене и вигских президентах влияние на социально-политическую сферу партийного фактора необычайно усилилось. С ускорением процессов дифференциации в экономике, а следовательно и в обществе, механизм “настройки” работал со все большей нагрузкой. В итоге возрастала потребность в компромиссах между представителями аграрного, фермерско-плантаторского слоя и тех, кто был связан с торговлей и промышленностью.

В такой обстановке правительство демократов пыталось в 1837—1841 гг. балансировать между тактикой уступок вигской оппозиции и следованием “заветам” Джексона. Положение осложнялось внутренними распрями в партии, лишившейся испытанного лидера — Джексона. Правда, престарелый экс-президент поддерживал постоянную переписку с политическими руководителями партии, и его мнение имело значение, хотя, быть может, скорее символическое.

В годы президентства Ван Бюрена, пока оставались актуальными некоторые прежние проблемы внутриэкономического курса, например финансовая и тарифная, правительство демократов стойко придерживалось таких постулатов, как “limited government”, свободная торговля (низкие тарифы на импорт), твердые деньги. Но если в годы джексоновского правления эти идеи соответствовали потребностям аграрного, фермерско-плантаторского большинства, а торгово-промышленные круги в качестве меньшинства не имели достаточного политического веса, то теперь ситуация изменилась. К концу 1830-х годов вигская партия, взявшая на себя защиту интересов этих слоев, превратилась в мощную общенациональную политическую силу. В 1840 г. виги завоевали президентский пост, в течение 12 лет находившийся в руках демократов. “Меньшинство” стало “большинством”, сумев привлечь на свою сторону некоторые круги аграриев, заинтересованных в более активном развитии внутреннего рынка и отечественной промышленности.

Именно действиям вигской оппозиции, чей вклад в историю часто недооценивается можно приписать расчистку путей для дальнейшего свободного развития капитализма в промышленности и укрепления

²⁸ См.: Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции. М., 1988. С. 81—121.

внутриэкономических связей. Благодаря настояниям вигов еще в годы администрации Джексона одновременно со “Specie Circular” был принят билль о распределении между штатами (штатными банками) средств от продажи общественных земель. В годы экономического кризиса виги добились решения о продолжении политики распределения. Если “Specie Circular” был антиинфляционным, то акт о распределении действовал в обратном направлении.

Такое участие вигов в выработке политического курса, нацеленного на поощрение торгового и промышленного капитализма, обусловило существенную особенность двухпартийной системы в 1830—1840-е годы. Обе партии в итоге стремились к либерализации условий политического и экономического развития. Но подобно тому, как свободно, пока не мешая друг другу, сосуществовали три основных уклада — фермерский, плантаторский, и тот, что порождался промышленной революцией, так же свободно конкурировали между собой несколько вариантов по сути либеральных концепций. Джексон представлял концепцию аграрного либерализма, виги — тяготели к промышленному, или индустриальному либерализму. Если в джексонский период и были противники обеих моделей либерализма, то они, скорее составляли фракции внутри партий. При этом “консерваторы” не являлись решающей силой ни в одной из партий, а экономический либерализм в специфическом понимании обеих партий служил общей идейной основой двухпартийной системы.

На закате джексонской эры, помимо партийного, важную роль начал играть еще один политический фактор: сначала это был фактор “секционный”, т.е. необходимо было учитывать интересы разных регионов страны. Затем, когда выявились два главных региона-антагониста — Север и Юг — противостояние защитников и противников рабства стало мощным и долговременным фактором. При этом, чем сильнее действовал этот фактор, тем менее либеральной становилась политика. Это касалось и самого Джексона, и его последователей, и по большому счету — всей политической системы страны.

Первым следствием влияния этого консервативного фактора был уже упоминавшийся нуллификационный кризис. Сепаратистские действия южнокаролинцев, обеспокоенных угрозами неприкосновенности “прав штатов” и своего “peculiar institution”, вынудили Джексона использовать самый сильный и беспроегрешный аргумент в полемике со сторонниками свободной торговли — угрозу военной силы. Усиление президентской власти, проявлением которого стали решительные действия Джексона против нуллификаторов, было исторически вполне обоснованно. Слишком много существовало напряжения в обществе, требовавшего мобилизации и усиления власти, в том числе президентской.

Когда во второй половине 1830-х годов на Севере страны активизировалось движение аболиционистов, Джексону и его сторонникам пришлось дорого заплатить за союз его партии с плантаторами. В угоду им были нарушены важнейшие права и свободы — свободы слова, право на подачу петиций. Еще в декабре 1835 г. Джексон поддержал требование южан о введении цензуры на пересылаемые по почте

материалы, чтобы “уберечь” Юг от вторжения аболиционистской литературы²⁹. Год спустя конгресс США по инициативе демократов-южан и с одобрения партийной фракции в целом принял “правило кляпа”, в соответствии с которым палатам конгресса запрещалось рассматривать антирабовладельческие петиции.

Однако наиболее далеко идущие последствия для демократов имел еще один аспект проблемы рабства, связанный с двумя типами территориальной экспансии. В одном случае необходимо было очистить от индейских племен путь для фермеров и плантаторов на Запад. Поскольку здесь, как считали американцы, они действовали на своей территории, то, не боясь особых дипломатических осложнений, решительно сгоняли индейцев с их исконных земель. Известно, что Джексон славе “военного героя” обязан в том числе и “смелым” акциям против семинолов. Неоспоримо и то, что с его приходом к власти, меры против индейцев стали более активными и жесткими.

Но было еще одно направление экспансии, связанное с аннексией Техаса, продвижение по которому в силу внутренних и внешних причин, не могло быть столь стремительным. Фактически обращение Джексона к конгрессу с предложением признать республику Техас в декабре 1836 г. стало первым официальным заявлением президента по этому поводу, хотя события в Техасе уже давно привлекали внимание американцев, да и не только внимание, но и живейшее участие³⁰. Существует мнение, что, проявляя осторожность, уклоняясь от решения об аннексии Техаса, Джексон уступал настояниям вице-президента Ван Бюрена, который аргументировал свою позицию тем, что аннексия вызовет недовольство северных демократов, так как приведет к экспансии рабовладения на новые земли³¹.

Необходимость сохранения единства в партии и стране в целом, которое могло быть нарушено в случае широкого обсуждения проблемы рабства, и в дальнейшем определяла осторожный курс демократов в отношении аннексии Техаса.

В годы администрации Ван Бюрена демократическая партия еще помнила о предостережении, высказанном Джексоном в прощальном послании: “Если единожды подвергнуть Союз испытанию, появится линия раскола, раскол этот начнет углубляться, и те споры, которые сейчас решаются в залах законодательных собраний, будут перенесены на поля сражений”³².

Пока удавалось балансировать между интересами плантаторов-экспансионистов и сторонников ограничения сферы распространения рабства, полемика велась в основном парламентскими методами. Как только баланс склонился в пользу рабовладельцев, внутренние проблемы, так волновавшие умы в годы Джексона, были быстро забыты.

²⁹ A Compilation of Messages and Papers of the Presidents. Vol. 3. P. 175.

³⁰ См.: *Потокова Н.В.* Захват Техаса и война с Мексикой // *Американский экспансионизм*. М., 1985. С. 90—120.

³¹ *Cole D.B.* Martin Van Buren and the American Political System. Princeton (N.J.), 1984. P. 317—318.

³² A Compilation of Messages and Papers of the Presidents. Vol. 3. P. 296.

Идеи “manifested destiny” “теперь котировались выше, чем доктрина “limited government”. Джексон оказался прав: в мае 1846 г. началась война. Правда, пока еще не между Севером и Югом, которой так боялись и в неизбежность которой так свято верили многие поколения чуть ли не с времен образования американского государства. Это была лишь война с Мексикой, последовавшая за аннексией Техаса в конце 1845 г. Но содержание общественно–политических процессов под влиянием экспансионистских и антирабовладельческих настроений кардинально изменилось, а вместе с этим завершился период “джексоновской демократии”.

* * *

Хотя это может показаться не таким уж важным с точки зрения исторической перспективы, в заключение подчеркнем еще раз, что не только и не столько Джексон, но и его политические противники сыграли ведущую роль в либерализации условий для развития индустриальной революции. Либерализм Джексона был раннекапиталистическим, аграрным. Но “джексоновская демократия”, дополняемая идеями, воспринимавшимися от вигской оппозиции, в совокупности дала мощное ускорение капиталистическому экономическому росту.

Нельзя забывать и то, что “эра Джексона” ознаменовалась активным формированием политико–правовой структуры, сделавшей возможным существование политического либерализма как специфической общественной системы. Она основывалась на максимально широком и свободном для своего времени участии населения страны в политическом процессе. Сама же “джексоновская демократия” послужила переходом к либерально–демократической системе, которая сложилась после Гражданской войны.

Немаловажными были и конкретные последствия преобразований джексоновского периода, в которых заметную роль сыграла вигская оппозиция. Фермеры–предприниматели получили серию биллей о временных преимущественных правах и “всеобщем и гостянном преимущественном праве” в 1841 г. На пути пионеров больше не было индейских племен. Те, кто надеялся разбогатеть, занимаясь промышленностью и торговлей, могли рассчитывать на банковские кредиты (несмотря на все угрозы демократов покончить с бумажными деньгами, множество штатных и частных банков пыталось насытить денежный рынок ценными бумагами, хотя зачастую весьма сомнительного свойства). Протекционистские тарифы снижались, но все же защищали важнейшие отрасли отечественной промышленности. В 1842 г. был принят билль, несколько затормозивший снижение тарифных ставок.

Те же кредиты и свободные от индейцев земли подогревали надежды рабовладельцев, многие из которых владели всего несколькими рабами и искали счастья на новых землях Юго–Запада. Кроме того, впереди маячила соблазнительная перспектива новых территориальных захватов. Осваивать новые громадные пространства можно было благодаря сети

дорог и каналов; быстро растущие города и поселки становились местными коммерческими центрами и стимулировали дальнейшее развитие производства.

Конечно, немаловажным было и то, в какой форме политические лидеры подавали те или иные мероприятия. В основе их аргументации непременно лежала эгалитарная риторика. Джексону, его коллегам и противникам можно инкриминировать разные степени цинизма или наивности. Можно сослаться и на отсутствие социальной статистики. Как бы то ни было, лидеры государства и сам Джексон, вольно или невольно, заблуждались прежде всего относительно того, кто и в какой мере мог воспользоваться плодами политической и экономической либерализации. Джексон, например, в прощальном послании заявил, что те самые плантаторы, фермеры, механики и рабочие, которые составляют “хребет и мускулы” страны, “обладают большей частью национального богатства”, и это богатство “мелкими долями распределяется между миллионами свободных людей”.

Благодаря многочисленным новейшим исследованиям мы знаем, что даже к началу джексоновской эпохи неравномерность распределения богатств достигла высокой степени и продолжала углубляться в течение всего периода “джексоновской демократии”. Так что равных возможностей для старта предпринимательской деятельности не было, да и не могло быть в силу самого общественного устройства. Но бурный экономический рост порождал надежды на материальное благополучие и вполне оправдывал социальную демагогию Джексона, что обеспечивало ему стойкую популярность у современников и потомков.

При всей либерализации политических и экономических процессов в джексоновской Америке часть современников относилась к переменам с изрядной долей скепсиса. Можно привести только два примера из тогдашней американской литературы. Фольклоризованный герой политических и военных баталий Дэви Крокет, развезжавший на крокодиле во время предвыборной кампании (как же иначе, ведь “выборы что простуда”), критикует джексоновскую Америку как бы “снизу”. Истории о Крокете показывают, что такие высокие идеи, как участие народа в выработке политических решений, на деле профанация и буффонада. Пример интеллектуального, элитарного скепсиса являет Джеймс Фенимор Купер в “Моникинах” — злой сатире на англо-саксонскую расу, Англию и Америку. В этом романе-аллегории американцы предстают в виде ни много ни мало человекоподобных обезьян, а борьба вокруг государственного банка, так волновавшая современников Джексона, подается в виде “затмения”, во время которого в “тени, отбрасываемой Денежным Интересом”, “тускнели и блекли повседневные добродетели”³³. Этот скепсис современников должен учитываться новейшими исследователями джексоновского периода; особенно если речь идет об оценке степени либерализации американского общества.

³³ Народ, да! Из американского фольклора. М., 1983. С. 119; Купер Дж. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1982. Т. 7. С. 339.